

УДК [332.14(510)]:130.2
ББК 71.41(5Кит)
DOI 10.25281/2072-3156-2022-19-3-228-235

А.М. АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: PRO CULTURAE*

Анатолий Михайлович Алексеев-Апраксин,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии,
кафедра философии и культурологии Востока,
доцент
Менделеевская линия, д. 5,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
Институт медиатехнологий,
кафедра рекламы,
профессор
Джамбула пер., д. 13, Санкт-Петербург, 191180, Россия

Хайнаньский педагогический университет,
приглашенный профессор
Longkun South Road, No. 99, г. Хайкоу,
провинция Хайнань, 571158, Китай

доктор культурологии, профессор
ORCID 0000-0002-5009-1110; SPIN 7617-0330
Email: apraksin.spb@gmail.com

Реферат. Статья знакомит с культурологическим исследованием мегапроекта «Один пояс — один путь». В ней показано, что Китайская народная республика позиционирует свою глобальную инициативу воссоздания Великого шелкового пути как инфраструктурный проект. Его воплощение сопровождается лишь политическим и экономическим дискурсом. Это, по мнению автора, большое упущение, поскольку успех или провал грандиозных

планов Поднебесной зависит не столько от задействованных административных и финансовых ресурсов, сколько от искренней заинтересованности и вовлеченности людей, от взаимодействия на много более широкого культурного плана. Исследование русскоязычных информационных материалов, посвященных данному проекту, показывает, что гуманитарная составляющая Нового шелкового пути пока находится на уровне деклараций и формальных тематических процедур означивания. Проект малоизвестен. История Великого шелкового пути не актуализирована. Культурная перспектива его возрождения не дискутируется. Никто не мечтает об обогащающем культурном синтезе. Не слышны восторги от предвкушения новых открытий и перспектив. Проект в целом находится на периферии внимания и умозрения. А что если глобализация продолжит свое развитие с позиций не протестантской, а конфуцианской или буддийской этики? Это может быть хорошей альтернативой, которая все изменит, это возможно, как и многое другое, если мы этого захотим, но разговора о культурных трансформациях, к которым проект может привести, не ведется. Наблюдается иное. На восьмом году осуществления инициативы «Пояс и путь», проекта, поражающего размахом преобразований и огромны-

* Статья подготовлена при поддержке Департамента науки и техники провинции Хайнань (КНР) проект № YSP0TZX202039 «Исследование текущего состояния и перспектив культурного взаимодействия России и Китая в осуществлении инициативы «Один пояс — один путь».

ми инвестициями, энтузиазм его участников (политиков, администраторов и бизнесменов) нередко омрачаем сомнениями, по сути связанными с различием событий и договоренностей. Онтологические причины такого положения дел — культурная констелляция (зависимость от точки зрения и несовпадение онтической сборки одних и тех же феноменов). Разбирая конкретные примеры, автор приходит к выводу, что непонимание мировоззренческих ориентиров, несовпадение ценностей, различение мотиваций и устремлений друг друга весьма затрудняет доверительное и заинтересованное сотрудничество. Без актуализации дискурса, без привлечения людей к сотворчеству, без широкого и глубокого включения в проект неформально организованной гуманитарной сферы, в которой решаются проблемы «человеческого, слишком человеческого», проект вряд ли сможет оправдать ожидания по части своей исторической миссии.

Ключевые слова: Один пояс — один путь, OBOR, инициатива Пояс и путь, BRI, культурная констелляция, конфуцианская этика, ориентализация, глобальный мир, FOIP.

Для цитирования: Алексеев-Апраксин А.М. Новый шелковый путь: Pro Culturae // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19, № 3. С. 228–235. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-3-228-235.

Современный дискурс, посвященный инициативе Китайской Народной Республики (КНР) по воссозданию Великого шелкового пути, как правило, проходит в политическом и экономическом ключе. Активно обсуждается ее энергетическая составляющая [1]. Дискутируется польза и угрозы для участвующих в данном проекте стран [2]. Анализируется количество и оправданность инвестиций, направленных на те или иные инфраструктурные проекты [3]. Публикуется информация о грядущем увеличении скоростей доставки грузов и новых логистических конфигурациях, об экономических предпочтениях и связанных с ними ранжирах [4]. Обсуждается степень политической договоренности стран-участниц с КНР [5], а также геополитическая конкуренция между США и Китаем в Индо-Тихоокеанском регионе за доминирование [6] и т. д. Впрочем, есть все основания полагать, что успех или провал грандиозных планов зависит не только от задействованных административных и других прагматических сфер контактов. Для эффективного взаимодействия в данном проекте, помимо воли властей и желания бизнесменов, необходимо взаимопонимание более широкого культурного плана. Нужна заинтересованность и чувство сопричастно-

сти с происходящим значительной части населения участвующих в этом проекте государств (сегодня речь идет уже о 170 странах). Это неформальные вещи, не зависящие от пафоса мероприятий, сопровождающих проект. Формальный официоз в сердцах людей нередко вызывает противоположные чувства. Здесь же, помимо информирования, необходим символический соблазн, захват умов и душевных устремлений. Необходимо вдохновить людей, вызвать чувство сопричастности к творению Большой истории (Big History). Такое трудно организовать вертикальным администрированием. Это мифодизайнерская технология. На экономическом основании, на мысли о том, что в связи с развитием логистических путей и хабов что-то будет стоить немного дешевле и доставляться чуточку быстрее, на официальных декларациях за все хорошее и против всего плохого — на этом величие шелкового пути не возродить.

Предпринимающиеся шаги важны и нужны, но этого недостаточно. Почему тридцать лет назад так легко произошла перестройка в умах людей, проживавших в странах, сменивших социалистический путь развития на капиталистический? Ведь в советских представлениях об эволюции социума это была деградация, переход на предшествующую социализму ступень. Потому что все (даже рьяные противники условного Запада) мечтали с этим миром соприкоснуться. Несмотря на клеймящую страны загнивающего капитализма государственную пропаганду, люди были заморожены западным кинематографом, музыкой, образом красивой и изобильной жизни, свободой мысли и т. п. Это позволило впоследствии без особых усилий сменить ценностные ориентиры постсоветского общества. С культурологической точки зрения этот пример указывает на закономерность, согласно которой культурным развитием движет не суровая прагматика, а «фантазия» [7, с. 404–437] и умение мечтать. Как это работает, можно показать и от обратного. Для этого, например, обратим внимание на отношения между Российской Федерацией (РФ) и Японией. Несмотря на политическое отчуждение и отсутствие мирного договора с РФ, Страна восходящего солнца в последние десятилетия смогла создать себе среди россиян весьма привлекательный образ и получила взамен серьезный кредит доверия среди разных слоев населения [8]. Отечественная молодежь увлечена мангой, по собственной инициативе устраивает аниме и косплей фестивали, организывает тематические группы в соцсетях. Поколения постарше вдохновлены хоку, экибаной, единоборствами, гастрономией, самурайской честью, мудростью дзен, японской техникой и дизайном. Да что говорить, даже суровые мечты о государстве, пусть виртуальном, но созданном по заветам праведных халифов VII века, разве не это позволяет террористическим

организациям на Ближнем Востоке получать поддержку и пополнять свои ряды? Сопричастность истории, прямые культурные передачи, инициации, легендарные традиции — все это имеет значение. Это создает контекст, необходимый для глубокого взаимопонимания и сотрудничества в совместном делании. Однако этим человеческим вопросам, по сути ключевым вопросам эффективного межкультурного взаимодействия, в реализации грандиозного проекта «Один пояс — один путь» (One Belt One Road, OBOR) уделяется мало внимания. Это просчет КНР или восточная мудрость и проницательность?

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»

Что мы, среднестатистические россияне, знаем про транснациональный проект «Один пояс — один путь»? Практически ничего. Проведенные автором опросы среди жителей российских городов, в том числе студентов петербургских вузов, показали, что 90% респондентов вообще ничего толком не знают об этой инициативе. Словосочетание странное. Ассоциации порождает смутные. В релятивном пространстве смыслов слова «один пояс» звучат как ограничение, даже как угроза, мы ведь любим выбор и вариативность, но пояс один. Возможно — это символ нашей общей судьбы, но в звучании данных слов больше безысходности, чем вдохновения. А почему путь один? Ведь говорится о строительстве серии коммуникационных сетей и широкой разветвленной инфраструктуре. Или это про путь в каком-то другом смысле? Непонятно. На китайском языке, все значительно более внятно и интересно, но кто нам об этом поведал? Наверное, эта трудность во взаимопонимании была замечена, и проект со временем стали официально именовать «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative, BRI). Стало короче, но ясности для русскоговорящего и внемлющего это не привнесло.

Следует отметить, что про Великий шелковый путь, связывающий в течение столетий народы и культуры, мы (в силу специфики наших школьных программ по истории) знаем куда меньше, чем про реформы Эхнатона, абсолютизм во Франции или крестовые походы. А ведь это важная часть, в том числе и отечественной истории. По территориям нашей необъятной страны пролегали многие северные маршруты Шелкового пути. Беря начало на Дальнем Востоке и далее, пересекая Азию, один из них пролегал по территориям Северного Прикаспия и далее через Северный Кавказ выводил к Черному морю, к Адлеру [9]. К слову, одно из ранних

письменных свидетельств о Даринской и Мисиминанской, т. е. кавказских ветвях шелкового пути, нам оставил византийский дипломат Менандр Протектор, живший в VI веке. Кроме этого, историкам известно, что уже с VIII в. прослеживается еще одна ветвь этой исторической магистрали: от Северного Прикаспия к Рюрикову городищу (вскоре ставшим Великим Новгородом). Эта самая ранняя речная магистраль Древней Руси, по сути, также была частью Великого шелкового пути, связывавшего народы Севера и Юга, Запада и Востока. На этих путях-дорогах наши предки знакомились с культурами Византии и Венеции, с центрально-азиатским, индийским и арабским миром [10].

Сведения о том, кто и чем торговал; кто у кого что перенял; посредничеством каких городов, языков и народов пользовался, без сомнения, имеют большую историко-культурную ценность. Они показывают нам, в чем в те или иные времена те или иные народы испытывали дефицит, чем были соблазнены, чем были богаты и бедны, чем слабы и сильны. Однако более важным в этих контактах представляется не то что, например, сановник Чжан Цян в 138—126 гг. до н. э., повстречав во время дипломатической экспедиции прекрасных коней в Ферганской долине, предложил своему императору У-ди обменивать их на шелк, которого у западных соседей не было. Это красивая история, но куда важнее было то, в том числе и для судьбы самой Поднебесной, что по прокладываемым маршрутам в Китай из Индии пришел буддизм, ставший одной из основ китайской культуры. Отметим, что и христианство значительно продвинулось на Север и Восток все по тому же Шелковому пути. О том, насколько важные последствия это имело для многих народов, говорить, пожалуй, излишне.

Итак, со II в. до н. э. до XV в. н. э. на дорогах Шелкового пути, перевалочных пунктах и рыночных площадях, на улицах процветавших городов и долгих караванных переходах осуществлялся глобальный транзит не только товаров, но этических и эстетических представлений, художественных практик, ремесел, смыслов и ценностей. Шелковый путь без преувеличений обеспечивал беспрецедентную встречу народов и цивилизаций. Он расширял горизонты сознания, представления о мире, о людях, о времени и пространстве. Он отодвигал в неведомые дали мировоззренческие и символические горизонты [11]. Такие ли планы ставит перед собой китайское правительство в наши дни? Собирается ли КНР распространить в мировом масштабе конфуцианскую этику, которая могла бы стать интересной альтернативой этике протестантской, на которой держится ныне общество потребления? Или этот проект всего лишь скромное техническое покрытие коммуникационных дефицитов? Ответить на этот вопрос оказывается не так просто.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»

Проjekt «Пояс и путь» на международной арене был представлен в русле усвоенных КНР уроков глобализации как сугубо инвестиционный и инфраструктурный. В 2013 г. было анонсировано сразу два глобальных проекта: в Казахстане «Экономический пояс Шелкового пути» (Silk Road Economic Belt, SREB) и в Индонезии «Морской шелковый путь XXI века» (Maritime Silk Road, MSR). В 2014 г. на зимних Олимпийских играх в Сочи Си Цзиньпин обсуждал свою инициативу с В.В. Путиным, и уже в 2015 г. с грандиозной идеей (принятой в качестве основы стратегии внешней политики КНР) официально познакомилась Европа. Основательность своих намерений Китай подтвердил не только многочисленными инвестициями в страны Азии, Европы, Африки, Южной Америки, но и включением данной стратегии в свою конституцию в 2017 году.

Как известно, президент КНР выделил пять основных задач, которые призван решить проект «Пояс и путь»: усиление региональной экономической интеграции, строительство единой транснациональной транспортной инфраструктуры, ликвидация инвестиционных и торговых барьеров, повышение роли национальных валют, углубление сотрудничества в гуманитарной сфере. Судя по опубликованным данным, в основе проекта лежит строительство трех железнодорожных коридоров (северный, центральный и южный). Все они соединят восточные провинции Китая со странами Западной Европы. Маршрут северного коридора — через Казахстан и РФ к Балтийскому морю, его западная ветка пройдет через Белоруссию и Польшу в Германию и Голландию. Центральный коридор, который является самым сложным с точки зрения политической обстановки и отсутствия действующей инфраструктуры, соединит Шанхай и Ляньюньган со странами Центральной Азии (Киргизия, Узбекистан, Туркменистан), Ираном, Турцией и затем проследует через Балканский полуостров к портам Франции. Его реализация потребует строительства дополнительного тоннеля под проливом Босфор в Стамбуле (Турция) и даже создания его дублера. Южная ветвь по планам должна пройти через Бангладеш, Индию и Пакистан. Что касается Морского шелкового пути, то он должен связать Фучжоу (провинция Фуцзянь) с Гуанчжоу (провинция Гуандун) и островом Хайнань и далее простираться по Малаккскому проливу между Малайзией и Индонезией. Затем через Индийский

океан он обогнет Африканский рог (Кения) и направится в Красное и Средиземное моря. Второе направление Морского шелкового пути предполагает связать китайские порты с южной частью Тихого океана. На XVI Международной конференции «Освоение шельфа России и СНГ — 2019» в Москве было озвучено наличие общих проектов РФ и КНР в Арктическом регионе [12], а также анонсировано начало строительства Ледового шелкового пути (Ice Silk Road, ISR) [13]. Одно только перечисление воздушных маршрутов, веток автомобильных магистралей и других важных дорог, туннелей, переправ, хабов и мостов, пожалуй, заняло бы десятки страниц. Кроме этого, КНР планирует активно развивать в рамках общей концепции Цифровой шелковый путь [14]. В развитии проекта осуществляются попытки отказаться от доллара как лишнего посредника в торговых операциях стран-участниц, снижаются пограничные барьеры.

У внимательного к деталям наблюдателя складывается впечатление, что самый амбициозный проект Евразийского континента весьма ситуативен. Он реагирует на вызовы и обстоятельства и развивается, включая в себя уже когда-то найденные решения. Этот мегапроект фактически вобрал в себя и опекаемый РФ Евразийский экономический союз, и монгольский проект «Степной путь» (в т. ч. трансмонгольскую железную дорогу Китай — Россия). Включил он в себя и южнокорейскую Евразийскую инициативу (объединение железных дорог Северной и Южной Кореи с выходом на Транссибирскую магистраль), и казахстанскую программу «Светлый путь» и т. д. Эти и многие другие межгосударственные и региональные проекты, некоторые из которых были задуманы или реализованы еще в первой половине XX в., в том числе в СССР, оказались сегодня частью Нового шелкового пути. Подобным образом проект развивается и в других странах. Это экономит ресурсы и воспринимается логичным и даже соответствующим традициям и преемственности поколений. Финал строительства глобальной коммуникационно-инфраструктурной сети планируется к 2049 г., к столетию КНР. Китайцы, как и мы, любят отмечать круглые даты.

ПРЕПЯТСТВИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЛОГИКА ИХ ПРЕОДОЛЕНИЙ

Странно, что столь масштабный проект воплощается в жизнь тихо. Разумеется, в наше информационно продвинутое время при желании можно найти достаточное количество статистических сведений, познакомиться с ре-

зультатами форумов, научными статьями и заявлениями политиков и бизнесменов. Однако все это, как отмечалось выше, находится на периферии общественного внимания и затрагивает лишь далекие от интересов простых людей макроэкономические и геополитические сюжеты. Мало того, знакомство с материалами по теме оставляет ощущение неопределенности и даже тревожной озабоченности активных участников проекта. Многие волнуют проблемы безопасности, поскольку КНР, как главный бенефициар проекта, деликатно перекладывает эти важные функции на другие страны, о чем, например, говорят эксперты дискуссионного клуба «Валдай» [15]. Экономически слабые страны взволнованы возможностью утраты собственной экономической и политической самостоятельности, поскольку проект осуществляется не только на китайские деньги, но и на средства стран-участниц, которым китайские же банки предоставляют целевые кредиты. За годы, отягощенные пандемией, выяснилось, что не все способны выполнить взятые на себя обязательства. Например, Африка (в проекте участвует более 40 стран континента) уже вложила в проект 100 млрд долларов, и многие лидеры уже требуют списания возникших долгов. Некоторые страны, например Индия в 2019 г., вышли из проекта, предполагавшего строительство экономического коридора Бангладеш, Китай, Индия и Мьянма (ВСИМ). Большинство передовых стран Западной Европы, за исключением, пожалуй, Италии, пока занимают выжидательную позицию. В свою очередь, США с момента создания КНР Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и других глобальных финансовых структур, необходимых для развития проекта, выступают непримиримыми противниками Нового шелкового пути. Они предлагают альтернативные решения и жесткую конкурентную борьбу. Таким представляется и план по созданию Свободной и открытой Индо-Тихоокеанской стратегии (U.S. concept of a Free and Open Indo-Pacific, FOIP), направленной на развитие углубленного сотрудничества Америки с Японией, Индией и Австралией [16]. Критическая риторика США по отношению к китайской инициативе «Пояс и путь», как известно, со временем превратилась в широкомасштабную экономическую войну. С тех пор Поднебесная не раз обвинялась США и ее ближайшими союзниками в коварстве и вероломстве, в создании ловушек и экономических капканов, в воровстве технологий и прочих злых умыслах с целью достижения региональной и мировой гегемонии [6]. Это никому не добавляет уверенности и определенности.

Конкуренция двух супердержав. Знакомый сюжет, уже отыгранный во времена СССР. Действительно ли это архетипическое противостояние

опять имеет место? Или одни жестко конкурируют и рвутся к победе, ибо так представления об успехе в их умах вырисовывает протестантская этика [17], а другие пытаются развиваться, опираясь на буддийскую этику о необходимости принесения пользы, и стремятся в навязанных баталиях сохранить равновесие и лицо, чему учит этика конфуцианская. Мы, конечно, привыкли к мысли, что мир глобален и что все вокруг унифицируется. Но так ли далеко мы продвинулись в понимании друг друга? Ведь одно дело — объединяться на уровне экономических, юридических, коммуникативных соглашений о взаимопомощи или, например, о строительстве Макдональдсов и KFC. Другое дело — согласовать мировоззренческие основания, онтические горизонты и нелегко поддающиеся перекодировке культурные коды.

Имеются все основания полагать, что Запад и Восток, несмотря на всеобщую американизацию, сохранили немало культурных различий. Конечно, это касается не дипломатического этикета, но, прежде всего, фундированного культурой сознания. Способности формировать и, соответственно, фиксировать онтические диспозитивы и динамику всего происходящего только в рамках и возможностях своей культуры. Пожалуй, для культурологии очевидно, что мы можем говорить лишь о культурно фундированном онтическом пространстве и коррелятивном ему типаже сознания. Именно в согласии с этим онтическим пространством определяется то, как представитель той или иной культуры символически «препарирует» и осмысляет события. Именно на этой культурной основе выстраиваются те возможные сценарии, общие смыслы, цели, модели понимания (ибо понимает представитель каждой культуры по-своему) жизненного пространства человека. Это значит, что сегодня можно смело рассуждать о мировой экономике, но не о всеобщей и универсальной онтике.

То, как мы конституируем любой феномен (и, соответственно, любое сущее), является процессом, напоминающим констелляцию. Речь идет, естественно, в большей мере не о «физической» констелляции, хотя то, что в астрономии (а задолго до нее в мифологиях и астрологии) маркируется как констелляция, никогда не было чисто физическим феноменом. Напомним, констелляция — это группировка близких для наблюдателя ярких звезд, которые в сознании складываются в те или иные созвездия. Хотя звезды одного созвездия могут быть разделены значительным расстоянием друг от друга, даже большим, чем расстояние, например, от одной из звезд до наблюдателя. При взгляде на небо мы видим, что звезды образуют единый образ-кластер. Тем не менее очевидно, что эта видимая констелляция зависит от точки наблюдения, с другой точки наблюдения она

уже будет иной. Так и в отношении конституируемых человеком феноменов. То, что представитель одной культуры конституирует и наделяет определенным смыслом, тесно связано с его культурно-историческим бэкграундом. Представитель другой культуры будет видеть в этом другое констеллятивное образование, которое он также фиксирует как определенный феномен, но уже имеющий другой вид и смысл. Ценность и символическая значимость происходящего в его картине мира будет другой. Например, мои китайские аспиранты уверены, что инициатива «Пояс и путь», в первую очередь, отражает возрождаемые в КНР идеи конфуцианства о гуманности и гармонии. Так, на макроуровне проект «Пояс и путь», по их мнению, предназначен для гармоничного развития стран, расположенных по его маршрутам. Приверженность идеи ценности и значимости других стран — это, с их точки зрения, проявление гуманности в самом широком смысле. КНР принимает общее развитие как свой фундаментальный атрибут и, таким образом, выходит за рамки этноцентричного поведения и национального мышления. Что это, как не современное применение конфуцианского принципа гуманности на уровне международного общения. Что же касается гармонии, то она основывается на убежденности китайцев, что настоящая гармония невозможна без уступок и деятельности ради общей пользы. Суперприбыль, по их заверениям, также не является главной целью китайских бизнесменов. Они даже готовы ее удерживать в разумных масштабах для достижения более гармоничного сосуществования с другими компаниями, у каждой из которых есть чему поучиться [18]. Слушая своих китайских аспирантов, современных молодых интеллектуалов, давно живущих в России, я невольно утверждаюсь в мысли, что когда представители разных цивилизаций находят мотивированное объяснение происходящих процессов, поспешность аналогий, не редко оказывается тем, что О. Шпенглер [19] маркировал как гомология, т. е. тождество по форме, но не по смыслу и функции (аналогия).

Инициатива Шелкового пути с культурологической точки зрения — это эпохальный инфраструктурный проект. Насколько он будет успешен и велик с историко-культурной точки зрения, зависит не только от договоренностей политиков и заинтересованности крупного бизнеса, от административной слаженности и достаточного количества финансов. Необходимы открытость, широкий неформальный культурный диалог, проговаривание своих позиций, мотиваций, творческое вовлечение людей в процесс и приобретение опыта совместного делания Большой истории. На этом пути нам также предстоит осуществить согласование культурных констелляций. Выявление общих онтических горизонтов, без

сомнения, послужит согласию и успеху нового культурного синтеза.

Список источников

1. Борисов М.Г. Энергетическая составляющая инициативы «Один пояс — один путь» // Восточная аналитика. 2019. № 2. С. 13–23.
2. Martynenko S.E., Parkhitko N.P. Russian-Chinese Cooperation in Central Asia in the Context of Belt and Road Initiative: Historical retrospective and economic prospects // RUDN Journal of Russian History. 2019. Vol. 18, № 4. P. 845–864.
3. Шаряпова Ю.М. Торгово-транспортные коридоры проекта «Один пояс и один путь» // Восточная аналитика. 2019. № 4. С. 111–128.
4. Пак Е.В. Участие КНР в инфраструктурном строительстве на территории России и Казахстана. Инициатива «Один пояс, один путь» // Российский внешне-экономический вестник. 2021. № 1. С. 93–105.
5. Чжоу Цзяшу. Анализ проекта «Один пояс, один путь», основанного на модели ГЧП // Инновации и инвестиции. 2021. № 2. С. 46–50.
6. Пенковцев Р.В., Юань Я. Отношение и реакция официальных кругов США на китайскую инициативу «Один пояс, один путь» // Международные отношения и общество. 2020. № 2. С. 32–38.
7. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Москва : Весь мир, 1997. 704 с.
8. Алексеев-Апраксин А.М. Образы японской культуры в современной России // Философский полилог : журнал Международного центра изучения русской культуры. 2017. № 1. С. 12–20. DOI: 10.31119/phlog.2017.1.2.
9. Кузьмин В. Великий шелковый путь на Кавказе // Человек без границ : сайт. URL: <https://www.bezgranic.ru/arhiv/main/caucases.html> (дата обращения: 19.11.2021).
10. Алексеев-Апраксин А.М. Восток-Запад: опыт осмысления межкультурных контактов // Вопросы культурологии. 2010. № 12. С. 10–14.
11. Алексеев-Апраксин А.М. Восток в культуре Петербурга : дисс. ... д-ра культурологии : 24.00.01. Санкт-Петербург, 2011. 362 с.
12. Чэнь С., Чжан Т. Ледовый шелковый путь // Журнал «Китай». 2018. № 6 (152). С. 53–55.
13. Михайличенко К.М. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 2. С. 333–345. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-333-345.
14. Соломатина А.Р. Цифровой шелковый путь, как составляющая инициативы «Один пояс — один путь» // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 4. С. 296–307.
15. Дуткевич П. ЕАЭС и «Один пояс, один путь»: активы и обязательства // Валдай : международный дискус-

- сионный клуб. 08.10.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/eaes-i-odin-royas-put/> (дата обращения: 21.11.2021).
16. Гарусова Л.Н. Индия и США: формирования Индо-Тихоокеанского геополитического пространства // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 18. С. 65–84.
17. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Москва : АСТ, 2020. 316 с.
18. Гэн Бяо. Конфуцианство в современном Китае // Studia Culturae. 2019. № 42. С. 71–76.
19. Шпенглер О. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории : в 2 т. Т. 1. Образ и действительность. Минск. 2009. 656 с.

New Silk Road: Pro Culturae

Anatoly M. Alekseev-Apraksin

Saint Petersburg State University, 5,
Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russia
Saint Petersburg State University of Industrial
Technologies and Design, 13, Dzhambula Lane,
St. Petersburg, 191180, Russia
Hainan Normal University, No. 99, Longkun South
Road, Haikou, Hainan Province, 571158, China
ORCID 0000-0002-5009-1110; SPIN 7617-0330
Email: apraksin.spb@gmail.com

Abstract. *The article introduces a cultural research of the mega-project “One Belt — One Road”. It shows that the People’s Republic of China positions its global initiative to resurrect the Great Silk Road as an infrastructure project. Its realization is accompanied exclusively by political and economic discourse. According to the author, it is a great omission since the success or failure of the grandiose plans of the Celestial Empire depends not as much on the administrative and financial resources involved as on the sincere interest and involvement of people, on the interaction in terms of a much wider cultural background. The study of Russian information materials devoted to this project shows that the humanitarian component of the New Silk Road still remains at the level of declarations and formal thematic procedures. The project lacks publicity. The great history of the Silk Road is not updated. The cultural perspective of its revival is out of the discussion. No one dreams of enriching the cultural synthesis. Any anticipation of discoveries and prospects is not heard of. The project as a whole lies on the periphery of media attention and evaluation. But what would happen if globalization continues its development not from the Protestant ethics standpoint but the Confucian or Buddhist one? It might offer a good alternative that would change everything. This can change many things if accompanied by goodwill but we do not see discussions pertaining to the cultural transformations the project may lead to. One can observe rather the opposite. In the eighth year of the implementation of the initiative “One Belt — One Road”, a project hitting the scope of transformations and huge investments, the enthusiasm of its participants (politicians, administrators, and busi-*

nessmen) is often tinged with doubts caused by discrepancies in understanding events and agreements. Ontological reasons for such a state of affairs constitute the cultural constellation (dependence upon a point of view and the divergence of the ontical “assembly” of the same phenomena). Through viewing specific examples, the author concludes that the misunderstanding of ideological landmarks, the incomprehensibility of values, the diversity of motivation and aspirations of participants make the confidential and interested cooperation problematic. Without actualization of discourse, without involving people in co-creation, without a broad and deep inclusion of the informally organized humanitarian sphere, where the problems of “human, too human” are solved, the project is unlikely to meet expectations in terms of its historical mission.

Key words: One Belt — One Road, OBOR, Belt and Road Initiative, BRI, cultural constellation, Confucian ethics, orientalization, global world, FOIP.

Citation: Alekseev-Apraksin A.M. New Silk Road: Pro Culturae, *Observatory of Culture*, 2022, vol. 19, no. 3, pp. 228–235. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-3-228-235.

Acknowledgements.

The article is written with support of the Department of Science and Technology of Hainan Province (China), project No. YSPTZX202039 “Study of the Current State and Prospects of Cultural Interaction between Russia and China in the Implementation of the “One Belt, One Road” Initiative”.

References

1. Borisov M.G. Energy Component of the “One Belt — One Road” Initiative, *Vostochnaya analitika* [Eastern Analytics], 2019, no. 2, pp. 13–23 (in Russ.).
2. Martynenko S.E., Parkhitko N.P. Russian-Chinese Cooperation in Central Asia in the Context of Belt and Road Initiative: Historical Retrospective and Economic Prospects, *RUDN Journal of Russian History*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 845–864.
3. Sharyapova Yu.M. Trade and Transport Corridors of the “One belt One Road” Project, *Vostochnaya analitika* [Eastern Analytics], 2019, no. 4, pp. 111–128 (in Russ.).

4. Pak E.V. Rethinking Chinese Involvement in Infrastructure Building in Russia and Kazakhstan under the Belt and Road Initiative, *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2021, no. 1, pp. 93–105 (in Russ.).
5. Zhou Jiashu. Analysis of the “One Belt, One Road” Project Based on the PPP Model, *Innovatsii i investitsii* [Innovation & Investment], 2021, no. 2, pp. 46–50 (in Russ.).
6. Penkovtsev R.V., Yuan Ya. The Attitude and Reaction of the US Official Circles to the Chinese Initiative “One Belt, One Road”, *Mezhdunarodnye otnosheniya i obshchestvo* [International Relations and Society], 2020, no. 2, pp. 32–38 (in Russ.).
7. Ortega y Gasset J. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Ves' Mir Publ., 1997, 704 p.
8. Alekseev-Apraksin A.M. Images of the Japanese Culture in Modern Russia, *Filosofskii polilog: zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoi kul'tury* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Culture], 2017, no. 1, pp. 12–20. DOI: 10.31119/phlog.2017.1.2 (in Russ.).
9. Kuzmin V. The Great Silk Road in the Caucasus, *Chelovek bez granits: sait* [Man without Borders: website]. Available at: <https://www.bez-granic.ru/arhiv/main/caucases.html> (accessed 19.11.2021) (in Russ.).
10. Alekseev-Apraksin A.M. East-West: The Experience of Understanding Intercultural Contacts, *Voprosy kul'turologii* [Issues of Cultural Studies], 2010, no. 12, pp. 10–14 (in Russ.).
11. Alekseev-Apraksin A.M. *Vostok v kul'ture Peterburga* [The East in the Culture of St. Petersburg], dr. cult. diss.: 24.00.01. St. Petersburg, 2011, 362 p.
12. Chen S., Chzhan T. Ice Silk Road, *Zhurnal Kitai* [China Pictorial], 2018, no. 6 (152), pp. 53–55 (in Russ.).
13. Mikhailichenko K.M. The Project “Ice Silk Road” within the Framework of the Initiative “One Belt and One Road” as the Realization of the Interests of Russia and China in the Arctic Region, *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2019, vol. 21, no. 2, pp. 333–345. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-333-345 (in Russ.).
14. Solomatina A.R. Digital Silk Road as a Component of the “Belt and Road” Initiative, *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2021, vol. 4, no. 4, pp. 296–307 (in Russ.).
15. Dutkevich P. Eurasian Economic Union and “One Belt, One Road”: Assets and Liabilities, *Valdai: mezhdunarodnyi diskussionnyi klub* [Valdai: International Discussion Club], 08.10.2018. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/eaes-i-odin-poyas-put/> (accessed 21.11.2021) (in Russ.).
16. Garusova L.N. India and The United States: The Formation of the Indo-Pacific Geopolitical Area, *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN* [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS], 2018, vol. 18, pp. 65–84 (in Russ.).
17. Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow, AST Publ., 2020, 316 p.
18. Geng Biao. Confucianism in Modern China, *Studia Culturae*, 2019, no. 42, pp. 71–76 (in Russ.).
19. Spengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii. V 2-kh tomakh. T. 1. Obraz i deistvitel'nost'* [The Decline of the West. In 2 volumes. Volume 1. Form and Actuality]. Minsk, 2009, 656 p.

ЕДИНАЯ ТОЧКА ДОСТУПА К НАУЧНЫМ ЖУРНАЛАМ ПО БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЮ

Теперь искать научные статьи по библиотечному делу станет еще удобнее! Научные библиотековедческие журналы объединились на Портале научных журналов «Периодические издания по библиотековедению, библиографоведению и книговедению» (<https://libs.elpub.ru/>), чтобы усилить возможности сотрудничества, единой системы поиска, быстрого перехода к статьям и как следствие — увеличить цитирования друг друга.

В настоящее время на Портале размещены шесть научных журналов по библиотековедению, которые используют платформу elpub в редакционно-издательском процессе и публикуют на ней свои статьи в электронной форме. Это три журнала, входящие в Перечень ВАК: «Библиотековедение», «Библиосфера», «Научные и технические библиотеки», а также научно-практический журнал «Труды ГПНТБ СО РАН», белорусский журнал «Библиотечно-информационный дискурс» и журнал, выпускаемый НЭИКОН — «Наука и научная информация». На Портале размещены аннотации изданий и удобный переход на страницу каждого издания. Но главным бонусом объединения является возможность общего поиска по всем статьям, опубликованным в этих журналах.

<https://libs.elpub.ru/>